

История современности: республика Казахстан

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Т. М. Татубаев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. kafedrapolit@mail.ru

Уточняются понятия «коррупция» и «антикоррупционная политика», анализируются научные публикации, посвященные различным аспектам борьбы со взяточничеством и казнокрадством. Отмечены ключевые вопросы, в разработке которых у обществоведов имеются достижения, а также проблемы, требующие дальнейшего изучения и практического решения.

Ключевые слова: *институционализация коррупции, изучение антикоррупционной политики, современный уровень научного знания, анализ результативности и необходимость совершенствования мер противодействия коррупции.*

После распада СССР и советской политической системы в целом в бывших союзных республиках, в том числе и в Казахстане, началось становление новой государственности. Этот процесс протекал в условиях демократического транзита, перехода к рыночной экономике и сопровождался масштабной революцией институтов. В результате в не западных модернизирующихся обществах сложилась так называемая «анклавная структура», имеющая двойственную природу. С одной стороны, у политически и экономически развитых стран активно заимствовались современные учреждения и нормы, доказавшие свою эффективность. С другой стороны, в странах-реципиентах продолжали сохраняться и даже упрочиваться отношения, связанные с традиционным жизненным укладом [Богатуров: 2011].

Оба этих явления наглядно проявили себя в том, что впоследствии получило название «институционализация коррупции». Данный термин означает сращивание административной и политической коррупции. Решения ангажированных политиков начинают определяться не соображениями «общей пользы» или выгоды для конкретной компании, а исключительно интересами тесно связанной с ними бюрократии различной ведомственной принадлежности, значимой в политическом отношении. Как следствие, органы и механизмы власти теряют способность проводить прогрессивные преобразования. В этом, на наш взгляд, и заключается главная опасность для государств, переживающих трансформационный период.

Актуальность изучения антикоррупционной политики, проводимой в настоящее время в Ка-

захстане, объясняется рядом соображений. Во-первых, 11 ноября 2014 г. партия «Нур Отан» на расширенном заседании Политсовета приняла «Программу противодействия коррупции на 2015–2025 гг.», в которой было заявлено, что коррупция в ее нынешнем виде представляет непосредственную угрозу фундаментальной ценности Казахстана – его независимости. Следовательно, совершенствование антикоррупционных мер прямо связано с обеспечением национальной безопасности республики. Наиболее опасные вызовы, потенциально способные усилить напряженность и привести к социальному взрыву, состоят в следующем: 1) снижение эффективности работы государственных органов до критической отметки; 2) деморализация управленческого аппарата и рядовых граждан; 3) девальвация демократических принципов и процедур, обесмысливание правосудия; 4) падение уровня жизни. Последнее особенно сильно бьет по малообеспеченным и социально незащищенным слоям населения. Так, по оценкам Ассоциации независимых экспертов по коррупции, она увеличивает стоимость товаров и услуг в Казахстане почти на 50% [Номад / Кочевник: 2011].

Как показывает опыт других стран, этим негативным контекстом могут воспользоваться различные деструктивные силы, в том числе инициаторы «цветных переворотов» и творцы «управляемого хаоса» из-за рубежа, для того чтобы взять под свой контроль данную территорию со всеми ее ресурсами. То есть, коррупция самим фактом своего существования провоцирует политическую нестабильность и одновременно служит ее индикатором.

Во-вторых, тема борьбы с коррупцией сегодня является одним из важнейших инструментов имиджевой стратегии на мировой арене, позволяющим создавать благоприятный образ той или иной страны, на который, в свою очередь, ориентируются инвесторы при формировании своего инвестиционного портфеля. Так что реализация крупных инновационных проектов с привлечением иностранного капитала без очищения местного чиновничества от взяточников и мздоимцев становится весьма проблематичной. У Казахстана в этом отношении пока достижения скромные: согласно индексу восприятия коррупции (IPCTI), составляемому известной и авторитетной неправительственной организацией Transparency International, по итогам 2016 г. он занимает 131 место из 176 участников проекта. В 2004 г. у него было 122 место из 146 [Индекс восприятия коррупции: 2016; Центр гуманитарных технологий: 2015], то есть очевидной положительной динамики пока не наблюдается.

Наконец, существует практический аспект межгосударственных отношений, который заключается в том, что если в должностном преступлении, связанном с незаконным обогащением, уличен представитель высшей политической или бизнес-элиты, то под сомнение ставится весь пакет договоров и соглашений, заключенных им ранее с зарубежными партнерами. Так, в дело бывшего премьер-министра Серика Ахметова косвенно оказались вовлечены испанская компания Rufepa Tecnoagro SL и британская Standartex Project LLP [InformБЮРО: 2015]. В деле экс-председателя правления национальной компании «Астана-ЭКСПО 2017» Талгата Ермегияева ключевым эпизодом стало хищение средств испанской компании J&G Consultoria на общую сумму 1,757 млрд. тенге [InformБЮРО: 2016]. Евразийская корпорация природных ресурсов (ENRC)¹ из-за злоупотреблений ряда топ-менеджеров была исключена из листинга Лондонской фондовой биржи и слилась с EurasianResourcesGroup (ERG) со штаб-квартирой в Люксембурге. Скандал расследовало британское Управление по серьезным мошенничествам (Serious Fraud Office), подчиняющееся генеральному прокурору этой страны.

Все это негативно отражается на международной репутации Республики Казахстан и может по-

¹ ENRC – транснациональная компания, зарегистрированная в Англии и Уэльсе (2006 г.). Большая часть ее активов приобреталась в РК в середине 1990-х гг. в результате приватизации. Занималась добычей и переработкой полезных ископаемых. Осуществляла свою деятельность в Казахстане, Китае, России, Бразилии и Африке. Являлась крупнейшим в мире производителем феррохрома.

родить сомнения в честности и компетентности как сотрудников госаппарата, так и части предпринимателей, ответственных за осуществление программ с международным участием.

Вместе с тем нельзя не отметить еще одну важную грань затрагиваемой проблемы. Дело в том, что коррупционные стратегии в государствах переходного типа формируются в русле двух противоположных политических тенденций, которые условно можно назвать «захват государства» и «захват бизнеса». В условиях доминирования первой тенденции происходит концентрация в руках определенных групп интересов наиболее ценных экономических ресурсов, которые затем используются для воздействия на процесс принятия государственных решений. Это обеспечивает поддержку складывающегося политического режима со стороны транснациональных компаний и/или наиболее влиятельных региональных олигархов. В случае преобладания второй тенденции действующая политическая элита через своих агентов и уполномоченных лиц устанавливает теневой контроль над производством и распределением и становится основным бенефициаром доходов от приобретенной таким способом собственности. В результате новые и зачастую не очень эффективные политические институты, позволяющие, однако, концентрировать активы в своих руках, укрепляются и становятся более устойчивыми. Именно на них строится консенсус внутри правящего класса. В той или иной форме он принимается и управляемыми, которые постепенно и частично адаптируются к существующему порядку, получая от него «свою маленькую долю».

Иными словами, коррупция может выступать альтернативой демократическим методам регулирования политических требований, выражаемых различными акторами, и достаточно продолжительное время поддерживать лояльность последних по отношению к существующей власти на приемлемом уровне. В ситуации авторитарного равновесия² она парадоксальным образом способна не только ослаблять, но и усиливать государство, максимизируя контроль правящей элиты

² Понятие «авторитарное равновесие» (А. Р.) означает: 1) «недружественное поглощение» значимых политических и экономических акторов, как правило, без предоставления каких-либо компенсаций; 2) превалирование в государственном масштабе тенденции «захват бизнеса»; 3) клиентелизм, понимаемый как приоритет семейных уз, личных связей, выгодных знакомств и взаимных услуг, которые становятся базовыми принципами формирования административной системы и «партии власти».

над ресурсами, правами собственности, а также назначаемыми и профессиональными бюрократами [Handelman: 1999]. Вышесказанное нельзя воспринимать в качестве аргумента, оправдывающего коррупцию. Тем не менее очевидно, что данный феномен представляет собой сложную для изучения, негативную в своей основе социально-политическую систему, противодействие которой предполагает соответствующую интеллектуальную подготовку.

О борьбе с коррупцией существует необъятная литература. Среди авторов – ученые, публицисты, общественные деятели и даже высокопоставленные функционеры. На сегодняшний день накопленный объем достоверных знаний об этом социальном зле таков, что позволяет издавать солидные учебные пособия для сотрудников силовых ведомств и криминалистов [Алауханов, 2008; Алауханов, Турсынбаев, 2008; Жетписбаева, 2009]. Тем не менее было бы ошибкой довольствоваться достигнутым, поскольку само явление по своей природе носит скрытый характер и постоянно видоизменяется. Непрерывно совершенствуется и мировой опыт противодействия коррупции, адекватное применение которого требует соответствующих компетенций и понимания страновой специфики политических институтов и процессов.

Провести анализ каждой монографии или статьи в рамках представленного обзора невозможно. К тому же зачастую эти изыскания дублируют друг друга в том, что поднимают одни и те же вопросы и завершаются расхожими выводами о ценности гражданского общества, необходимости дальнейшей демократизации политической жизни и либерализации экономики. Поэтому есть смысл сосредоточиться на наиболее значимых публикациях, отражающих современный уровень научного познания и предметно изучающих не столько феномен коррупции со всеми его атрибутами, сколько именно антикоррупционную политику, понимаемую как разработку и практическую реализацию основных принципов, стратегических направлений, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования коррупции, криминологической ситуации в целом, а также расчетов реальных возможностей противодействия этому явлению (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др.) [Горшенков: 2014, С. 14]. За хронологическую точку отсчета уместно принять ратификацию Казахстаном Конвенции ООН против коррупции (май 2008 г.), которая побудила политиков, профессиональное и научное сообще-

ство к решению масштабных задач по имплементации ее положений.

Работы, выполненные в указанном выше ключе, условно можно разделить на две группы: эмпирические, построенные на интерпретации антикоррупционной политики сквозь призму ее связей со «старыми» и «новыми» структурами повседневности, и теоретические, нацеленные на уточнение сущности и путей совершенствования этой политики, исходя из заданных количественных и качественных параметров. Особый интерес представляют те из них, которые либо целиком выполнены на казахских материалах, либо так или иначе апеллируют к национальным сюжетам. Большинство трудов написано правоведами и посвящено юридическим аспектам борьбы с коррупцией. В частности, о них шла речь на научно-практических конференциях в Астане в 2010 и 2012 гг. Докладчики были единодушны в том, что Казахстану следует многое позаимствовать у США, Японии, Сингапура, Южной Кореи, Нидерландов. Препятствием на этом пути является отсутствие у местного населения стимулов к осуществлению контроля над деятельностью государственных органов. Тем не менее целесообразно ввести Национальный реестр должностей повышенного коррупционного риска, ранжированный по степеням, и определить процедуры занятия перечисленных в нем должностей. Тогда каждый служащий знал бы, что, находясь на своем рабочем месте, он является первоочередной целью для правоохранителей.

Помимо этого, республике нужно ратифицировать международные конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 г.) и «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) и тем самым расширить возможности использования такой меры, как конфискация преступных доходов, оформленных на членов семьи и других подставных лиц. Действенный метод борьбы с коррупцией участники научных дебатов увидели в реализации концепции правовой политики РК, рассчитанной на период с 2010 до 2020 г. При этом они подчеркнули, что это потребует систематизации всего законодательства на предмет устранения из него устаревших и противоречивых норм. И начинать нужно с «Закона о государственных закупках», регламентирующего распределение бюджетных средств [Антикоррупционная политика..., 2012; Совершенствование законодательства..., 2010].

В монографических исследованиях были рассмотрены уголовно-правовые дефиниции кор-

рупционных преступлений, а также проблемы, связанные с правоприменительной практикой. Их резюмирующая часть содержит конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства [Борчашвили, 2009; Борчашвили, Рахметов, 2012].

Отдельным предметом исследования стала профилактика и расследование коррупционных деяний, совершенных в организациях и ведомствах, которые, собственно, обязаны заниматься их искоренением. Имеются в виду суды, прокуратуры, следственные комитеты, оперативно-розыскные отделы и другие силовые структуры. На широкой эмпирической базе показана география преступлений, их причины, способы совершения, выявления и предотвращения, охарактеризованы типы личности служащих, которые склонны к делинквентным отклонениям в поведении [Абдрашев, 2010; Алауханов, 2009; Плотникова, 2013; Рахметов, 2010].

Плодотворной попыткой обобщения средств, методов и форм борьбы с коррупцией, накопленных в ходе совершенствования казахстанской юриспруденции, отличается монография Е. О. Алауханова [Алауханов: 2009]. В ней доказывается, что в республике последовательно реализуются меры, представляющие собой комплексную антикоррупционную правовую политику. Они находят выражение в следующих технологиях:

- законодательном разрешении специфических правовых коллизий (например, преодоление различного отношения к фактам взяточничества в формальном и обычном праве);
- антикоррупционной экспертизе предлагаемых депутатами норм;
- расширении превентивных возможностей институтов складывающегося гражданского общества.

Книга интересна экскурсом в историю кочевой цивилизации с ее традициями одаривания и подношений представителям знати, анализом сложившихся патрон-клиентских отношений, а также обоснованием необходимости скорейшего конституирования контрольной ветви власти.

Симптоматично, что именно юристы, которым принадлежит первенство по количеству и разнообразию подходов к решению проблемы коррупции в казахстанском обществе, выступили с критикой проводимой антикоррупционной политики. В частности, Н. Н. Турецкий прямо заявил о ее «бутафорности». Среди недостатков, которые он призвал срочно устранить, были названы следующие:

– слабое внедрение бесконтактных технологий оказания публичных услуг населению;

– отсутствие законодательной базы, позволяющей контролировать, в том числе со стороны общественности, СМИ и неправительственных организаций, расходы лиц, занимающих государственные должности, а также неразработанность норм, регламентирующих ответственность взяткодателя;

– невнимание к положительному опыту таких стран, как Сингапур, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Канада [Турецкий: 2012].

Определенный вклад в изучение вопроса внесли социологи. В частности, У. Раисов на основе междисциплинарного подхода определил коррупциогенные факторы, свойственные модернизирующемуся Казахстану. В их числе: медленный отход от закрытости и бесконтрольности власти; экономическая нестабильность, побуждающая предпринимателей «уходить в тень»; противоречивость и двусмысленность ряда законов; неэффективность государственных институтов; незрелость гражданского общества и демократических процедур.

Для преодоления указанных недостатков была предложена развернутая программа, включающая в себя ряд экономических новаций (в их числе снижение налогового бремени для малого и среднего бизнеса, упорядочение кредитной политики, управление рисками); организационно-распорядительных мер (главным образом, усиление отраслевого и внутриведомственного контроля); шагов, направленных на улучшение нравственно-психологического климата (формирование антикоррупционных установок в общественном сознании) [Раисов: 2010].

Ученые-политологи сосредоточились на конструировании теоретических моделей коррупции. Российский исследователь Е. А. Лазарев не только обрисовал актуальные научные парадигмы, сформулированные в рамках западной политической науки [Лазарев: 2011], но и предпринял плодотворную, на наш взгляд, попытку описать трансформацию постсоветских политических режимов, в том числе в Казахстане, используя такой индикатор, как формы и плотность теневого взаимодействия государства и частного сектора [Лазарев: 2012]. Он установил высокую корреляцию между полнотой воплощения принципов рыночной экономики, демократии и индексом восприятия коррупции и доказал, что чем «свободнее» страна, тем меньше она коррумпирована. Кроме того, в статье приводится важный в методологическом плане тезис, согласно которому стимулы к политической

коррупции возникают у сегментов властвующей элиты, если ее положение либо крайне шатко, как в современной Украине или в России при Б. Ельцине, либо, напротив, – очень устойчиво, как в годы второго президентского срока В. Путина или в большинстве республик Средней Азии после обретения ими независимости. Именно в условиях политической стабильности, основанной на закреплении монополии на власть за какой-нибудь группой, расцветают картели элит, созданные исключительно ради получения властной ренты.

Отмечается также, что в рамках постсоветского «патронального президентства» различные сегменты государственной машины не способны защитить собственную легитимную деятельность от вмешательства друг друга при явном доминировании исполнительной ветви власти. В числе провоцирующих коррупцию факторов названо отсутствие эффективных политических партий, то есть таких, которые являются значимыми акторами политического процесса, за исключением «партии власти»; зависимость СМИ от госструктур; фактическая поддержка конфликтов интересов бюрократии и преследование только тех чиновников, кто проявляет политические амбиции. Последнее позволяет говорить об отчетливо выраженной политизации антикоррупционных программ [Лазарев: 2012, С. 115–117].

Однако в мире есть страны, где подобные программы инициируются правительством вовсе не для того, чтобы устранить политических конкурентов или провести эффективную пиар-кампанию. О них рассказал в своей книге В. Д. Андрианов [Андрианов: 2011]. Чрезвычайные законы, учреждения с особыми полномочиями, специальные операции – вот далеко не полный перечень того, что помогло США, Италии, Гонконгу, Сингапuru и др. справиться с произволом, творимым коррупционерами и мафией.

Некоторые из них могли бы повысить эффективность антикоррупционной политики, которую в настоящее время проводят власти Казахстана. Так, внедрение агентуры в преступные сети и кланы, расширение числа субъектов, имеющих право требовать расследования в отношении недобросовестных госслужащих, установление презумпции виновности для тех из них, кто живет «на широкую ногу», отбор и продвижение через социальные лифты честных и умных молодых людей с целью их последующего инкорпорирования в истеблишмент – все это объективно способствует улучшению ситуации.

Компьютеризация управления нужна не только для того, чтобы упростить гражданам предо-

ставление необходимой информации. Она должна давать возможность общественности осуществлять контроль за любым сотрудником администрации. И конечно, нельзя экономить на мониторинге и составлении рейтингов качества работы госаппарата [Андрианов: 2011, С. 48, 56–58, 61, 62, 76, 77, 183, 184]. К сожалению, пока революция в области коммуникаций в большей степени способствует появлению новых рынков коррупционных услуг [Абезгильдин: 2015, С. 122].

Некоторые специалисты подвергают сомнению полезность универсальных рецептов оздоровления общества, предлагаемых международными организациями. Справедливо замечая, что одной государственной воли для их воплощения в жизнь недостаточно, они рекомендуют учитывать национальный контекст, сложившийся баланс сил, структурные и ресурсные ограничения, механизмы формирования и каналы распространения партикуляристских норм, культивирующих коррупцию в данном социуме. На постсоветском пространстве (и Казахстан здесь не исключение) к ней сложилось амбивалентное отношение: граждане искренне порицают теневые схемы распределения благ и в то же время оправдывают собственное участие в них. Эта двойственность сознания, являясь одним из ключевых факторов коррупциогенности, по существу игнорируется в программах противодействия коррупции, составленных зарубежными экспертами, что резко снижает их потенциал [Барсукова, Леденева: 2014, С. 125, 126].

Ценные общетеоретические соображения приводит в своей диссертации и статьях Л. Н. Смирнова [Смирнова, 2013; Смирнова, 2014; Смирнова, 2015]. Хотя ее работы посвящены Китаю, они, безусловно, представляет интерес и для казахстанских специалистов, так как касаются параметров оптимальной антикоррупционной системы. В частности, Лариса Николаевна, опираясь на текст Конвенции ООН против коррупции, полагает, что обуздать преступность в этой сфере поможет совокупность четырех групп элементов. Во-первых, это ранее предупреждение и выявление противоправных действий, для чего понадобится создать культуру неприятия коррупции, по возможности заменить дискреционные методы принятия решений процедуральными, и повысить прозрачность государственного управления. Во-вторых, внедрение передовых методов расследования и доказательства коррупции с соблюдением основных стандартов прав человека. В-третьих, наказание виновных и возвращение в казну похищенных активов, что предполагает

криминализацию коррупционных деяний, экстратицию и международное правоохранительное сотрудничество. Наконец, в-четвертых, обеспечение устойчивости всей системы через культивирование честных и неподкупных антикоррупционных институтов, способных справедливо применять закон в максимальной независимости от политической конъюнктуры и добиваться сдерживания коррупции в долгосрочной перспективе.

Продуктивный метод оценки коррупционного рынка разработали В. М. Васильева и А. Н. Воробьев [Васильева, Воробьев: 2015]. Они считают, что его правильная типология задает верное направление и повышает эффективность антикоррупционной политики. Так, согласно их мнению, Казахстану присущи некачественные институты (принадлежность к патронажным сетям для индивида предпочтительнее, чем следование формальным нормам), большой объем и невысокая степень государственного регулирования (разветвленный бюрократический аппарат с дискреционными полномочиями). Поэтому противодействие коррупции необходимо сконцентрировать на минимизации предложения, а не спроса на коррупционные услуги. Этого можно достичь через централизованное внедрение внутреннего аудита во всей системе управления и неуклонное повышение профессиональной культуры в контролирующих инстанциях.

Новой вехой в расширении и углублении знаний о предмете исследования явились Евразийские антикоррупционные форумы, собравшие под своей эгидой ведущих ученых из Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. Первый из них открылся в Москве в конце мая 2012 г. [Правовые инновации...: 2012]. Делегатами от РК стали: А. А. Смагулов (Казахстанский опыт борьбы с коррупцией) [Правовые инновации...: 2012, С. 52–57], Д. Дастан (Правовые аспекты борьбы с коррупцией в таможенных органах Республики Казахстан) [Правовые инновации...: 2012, С. 241–247], Р. К. Канатов (Коррупция в Казахстане: современное восприятие) [Правовые инновации...: 2012, С. 247–252], Г. Б. Енсебаева (О едином евразийском пространстве в борьбе с коррупцией и транснациональной организованной преступностью) [Правовые инновации...: 2012, С. 252–262], Ш. А. Саймова (Правовые основы противодействия коррупции в Республике Казахстан) [Правовые инновации...: 2012, С. 262–271], Б. С. Бикситова (Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан) [Правовые инновации...: 2012, С. 271–280], С. М. Баймолдина (Правовые

механизмы борьбы с коррупционными правонарушениями в Республике Казахстан) [Правовые инновации...: 2012, С. 280–289], Г.-Р.-Б. С. Жумашева (Правовые барьеры в борьбе с коррупцией в системе государственной службы Казахстана) [Правовые инновации...: 2012, С. 475–485], А. Н. Маклакова (Правовое регулирование антикоррупционной экспертизы в Республике Казахстан) [Правовые инновации...: 2012, С. 574–582], Ш. Ш. Орманова (Правосознание и правовая культура в Казахстане) [Правовые инновации...: 2012, С. 639–648].

В докладе А. А. Смагулова охарактеризовано выполнение пяти антикоррупционных программ, принятых по инициативе президента Н. А. Назарбаева в 2001–2015 гг.; описаны новеллы Указа «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» (2009 г.), адаптирующие передовой опыт ряда европейских и азиатских стран; предложен ряд институциональных реформ, как-то: пересмотр порядка формирования судейского корпуса, ограничение необоснованных апелляций о возвращении дел на новое рассмотрение в нижестоящие суды, качественное кадровое обновление правоохранительной и судебной системы, а также специальных органов, создание Евразпола – евразийской полиции для борьбы с транснациональной преступностью в Едином экономическом пространстве, переход к декларированию расходов госслужащих.

Д. Дастан выявил несовершенство отдельных статей Таможенного кодекса РК ввиду их дискреционности, посетовал на недостаточную воспитательную работу с кадровым пополнением в таможенных органах, привел факты умышленной приостановки расследования и дознания в отношении лиц, совершивших правонарушения в сфере таможенного дела. Вместе с тем в статье отмечены позитивные сдвиги в организации таможенной службы после осуществления в 2007–2010 гг. Программы ее модернизации.

Р. К. Канатов обратил внимание на когнитивные возможности западных подходов к анализу коррупции: конвенционального (К. Фридрих, Д. Саймон, Д. Эйтцен), ревизионистского (Х. Абуэва, Д. Бейли и др.), институционально-экономического (С. Роуз-Аккерман, М. Олсон).

Г. Б. Енсебаева высоко оценила инициативу президента Казахстана Н. А. Назарбаева, который предложил для борьбы с организованной транснациональной преступностью в Едином экономическом пространстве рассмотреть во-

прос о создании по примеру Интерпола Евразпола – евразийской полиции.

По мнению Ш. А. Саймовой на сегодняшний день наиболее развитое законодательство по борьбе с коррупцией среди стран СНГ имеет РК, поскольку его удалось максимально приблизить к международным стандартам.

Б. С. Бикситова протестировала на антикоррупционность проводимую уголовную и уголовно-исполнительную политику Казахстана и пришла к выводу о серьезных изъянах в регламенте условно-досрочного освобождения. Кроме того, она подвергла критике передачу в 2011 г. уголовно-исправительной системы (УИС) от Минюста опять в ведение МВД, так как увидела в этом тенденцию к усилению карательного воздействия на правонарушителей и осужденных и прекращению контактов УИС с правозащитными организациями и благотворительными фондами.

С. М. Баймолдина привела интересную статистику за 2009–2012 гг. по коррупционной преступности среди судей (увеличение числа случаев по сравнению с предшествующим периодом с 0 до 22), сотрудников органов внутренних дел (с 59 до 106), юстиции (с 22 до 25), Министерства обороны (с 2 до 7), акимов сельских округов и районов (с 83 до 102) и сообщила, что в 2010 г. 17,8% всех обращений граждан в уполномоченные инстанции было связано с коррупционной тематикой.

Г.-Р.-Б. С. Жумашева классифицировала объективные и субъективные коррупциогенные факторы, существующие в современном Казахстане, указала наиболее коррумпированные виды деятельности и определила перспективные установки для сферы госуправления: установление точных сроков предоставления той или иной услуги, предотвращение селективности мер наказания для нерадивых и злонамеренных чиновников, предоставление ежеквартальной отчетности по затратным статьям бюджета с обоснованием их необходимости, а также введение рейтинговой оценки каждого госоргана.

А. Н. Маклакова сосредоточилась на порядке проведения антикоррупционной экспертизы законодательства Республики Казахстан и отметила его недостатки, которые требуют устранения. Они выражаются в том, что проверке подлежат только проекты нормативных актов, а действующие законы под нее не подпадают. Помимо этого, не сформулированы конкретные требования к уровню образования экспертов и методике анализа.

Наконец, Ш. Ш. Орманова осветила ключевые моменты Концепции правовой политики РК на

период с 2010 до 2020 г. и пришла к заключению, что если не форсировать в стране правосознание и правовую культуру, то все остальные реформы начнут буксовать.

К сожалению, последующее участие казахстанских специалистов в ежегодных Евразийских антикоррупционных форумах проходило в ограниченном формате. Во второй встрече, состоявшейся в Москве 4 июня 2013 г. под девизом «Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения» представители РК выступали лишь в кулуарах, и эти материалы опубликованы не были [Василевич: 2013].

Третий евразийский форум открылся в Москве 24–25 апреля 2014 г. [Цирин, Черепанова, Тулинова: 2014]. На пленарном заседании прозвучали доклады А. А. Смагулова и К. Е. Джанбурчина. Первый автор подчеркнул, что в Казахстане используются технологии правового, организационного, управленческого, социально-экономического характера, направленные на профилактику коррупции как общественно-опасного явления и противодействие ей. Упор делается на формирование эффективного и современного корпуса государственных служащих, выработку в общественном сознании с помощью СМИ нулевой терпимости к любым коррупционным проявлениям. Вторым выступавшим, председателем Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан, сообщил собравшимся, что вверенное ему ведомство внедрило систему оценки рисков, которые способствуют выбору объектов контроля в наиболее подверженных коррупции направлениях экономики и минимизируют неоправданное вмешательство в деятельность законопослушных распорядителей государственных ресурсов. При этом Комитет тесно взаимодействует с общественными и экспертными сообществами и ассоциациями предпринимателей. В обозримом будущем планируется переход на систему государственного аудита, то есть не на выявление, а на предупреждение коррупционных правонарушений.

23–24 апреля 2015 г. в Москве работал Четвертый евразийский антикоррупционный форум «Предупреждение коррупции: новые подходы». На него приехали трое казахстанцев: Р. М. Жамиева («Некоторые проблемы предупреждения коррупции в Казахстане»), А. Р. Хасенова («Казахстанский опыт противодействия коррупции: проблемы, достижения, перспективы») и Е. З. Бекбаев («Правовой мониторинг в системе противодействия коррупции») [Четвертый евра-

зийский...: 2015]. К сожалению, полнотекстовые версии их выступлений еще не изданы.

В конце апреля 2016 г. в Москве прошел Пятый евразийский антикоррупционный форум «Правопорядок и коррупция: современные вызовы» [Институт Законодательства...: 2016]. Д. Х. Гехова подняла тему правового регулирования ответственности за отмывание (легализацию) коррупционных доходов в Республике Казахстан. Этот контент тоже пока не доступен.

Участие Республики Казахстан во многих международных механизмах, направленных против коррупции, стимулировало интерес зарубежной научной общественности к происходящим в стране процессам, особенно к тем, которые оказывают прямое влияние на коррупциогенные факторы. Существенно возросло количество англоязычных публикаций казахстанских ученых. Хотя некоторые из них выполнены в нарративно-апологетическом ключе [Jansarayeva, Aratuly, Surayeva: 2015], встречаются и по-настоящему серьезные аналитические работы. Так, Институт экономики развивающихся стран, функционирующий под эгидой японской Организации содействия развитию внешней торговли (JETRO), в 475-м выпуске своей дискуссионной газеты поместил доклад директора Группы по изучению рисков (г. Алматы) Д. Сатпаева «Коррупция в Казахстане и качество управления» [Satpaev: 2014]. В нем констатируется превращение коррупции в форму теневой идеологии, которая определяет не только поведенческую модель многих государственных чиновников, но и порождает проблемы криминализации менталитета всего общества. Подчеркивается, что непрозрачные «правила игры» были установлены еще в рамках советской политической системы.

Эксперт отметил многоуровневость коррупции: если на среднем и нижнем этажах бюрократической машины распространено взяточничество, то в околоправительственных кругах она приняла форму легализации незаконных доходов путем организации подконтрольных коммерческих структур как внутри, так и за пределами республики. Более того, автор уверен, что значительная часть иностранных инвестиций – это средства, ранее незаконно вывезенные из страны через оффшорные счета в Нидерландах и на Виргинских островах. Наибольшей коррумпированностью отличаются таможня, госзакупки, сферы здравоохранения и образования, суды.

Определенной проблемой остается низкая транспарентность добывающего сектора экономики Казахстана, что сказывается на напол-

няемости и расходах национального и местных бюджетов, которые, в свою очередь, тоже слабо контролируются. В коррупционных скандалах зачастую оказываются замешаны иностранные компании, подкупающие чиновников ради получения выгодных контрактов на разработку нефтяных месторождений (американская Mobil, 1999; итальянская Eni, 2007) или строительство (немецкая Thyssen-Krupp, 2012).

Причины неэффективности антикоррупционной политики Казахстана на современном этапе Д. Сатпаев увидел в: 1) слабости гражданского сектора (зависимость от доноров и спонсоров); 2) практическом отсутствии реакции правоохранительных органов на разоблачительные публикации в СМИ; 3) не соблюдении профессионального кодекса чести представителями силовых ведомств и госслужащими; 4) отсутствии механизма наказания судей, вынесших незаконные решения; 5) дискреционности многих решений органов местного самоуправления; 6) распространении борьбы между группами влияния на правоохранительные структуры, что парализует их деятельность; 7) искажении управленческой информации при ее передаче сверху вниз вкупе с недостоверностью статистических данных.

Профессор из Австрии Ф. Шнайдер проанализировал размер и развитие в ряде «восточных государств», в том числе в Казахстане, теневой экономики в 1999–2015 гг. Он пришел к заключению, что, несмотря на довольно значительный ее объем (в среднем 37,4% валового внутреннего продукта), налицо тенденция к снижению: 1999 г. – 42,6%; в 2007 г. – 37,4%; в 2015 г. – 33,89% ВВП. Это означает постепенное сокращение экономической базы для коррупционных соглашений. Исследователь предложил десять шагов по дальнейшему совершенствованию проводимой политики. Например, облегчение налогового бремени; поддержка малого бизнеса; отстранение от участия в выполнении госконтрактов фирм, уличенных в махинациях с активами; запрет трансакций посредством наличных платежей; введение строгих наказаний для «теневиков» за связь с организованной преступностью и проч. [Schneider: 2016].

Таким образом, обзор новейших научных публикаций показал, что вопросы разработки, реализации и дальнейшего совершенствования антикоррупционной политики Казахстана на современном этапе освещены фрагментарно. В систематизированном и обобщенном виде эта политика практически не представлена. Отсутствуют критерии и анализ ее результативности на национальном, региональном и субрегиональном уров-

нях. Нет четкого, исчерпывающего определения специфических особенностей, оптимальных институтов, а также проблем и противоречий, с которыми связана сегодня борьба с коррупцией. Недостаточно показано влияние, оказываемое на этот процесс профильными международными организациями, в деятельности которых республика принимает активное участие. Будущее

комплексное исследование должно преодолеть указанные недочеты и всячески способствовать оперативной конвертации научного знания в новые процессуально-правовые, административные и гуманитарные технологии, направленные на повышение «полезности» честности и строгое соблюдение принципа неотвратимости наказания за совершенные коррупционные правонарушения.

Список литературы

1. Абдрашев, Р. М. Теория и практика расследования коррупционных преступлений в системе правоохранительных органов : автореф. дис.... д-ра юрид. наук / Р. М. Абдрашев. – Алматы, 2010. – 44 с.
2. Абезгильдин, Р. Р. Институализация коррупции в России, ее сетевой характер: политико-правовой анализ / Р. Р. Абезгильдин // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 118–139.
3. Андрианов, В. Д. Коррупция как глобальная проблема : монография / В. Д. Андрианов. – М., 2011. – 304 с.
4. Антикоррупционная политика Республики Казахстан на современном этапе: законодательство и практика его применения // Материалы международно-практической конференции 20 апреля 2012 г. – Астана, 2012. – 438 с.
5. Алауханов, Е. О. Антикоррупционная правовая политика : монография / Е. О. Алауханов. – Алматы, 2009. – 256 с.
6. Алауханов, Е. О. Борьба с коррупцией в государственных органах / Е. О. Алауханов. – Алматы, 2008. – 288 с.
7. Алауханов, Е. О. Борьба с коррупцией / Е. О. Алауханов, Д. Е. Турсынбаев. – Алматы, 2008. – 288 с.
8. Алауханов, Е. О. Тенденции коррупционной преступности в Республике Казахстан / Е. О. Алауханов // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. Материалы 6-й международной научно-практической конференции 29–30 января 2009 г. – М., 2009. – С. 508–511.
9. Барсукова, С. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров / С. Барсукова, А. Леденева // Вопр. экономики. – 2014. – № 2. – С. 118–132.
10. Богатуров, А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России / А. Д. Богатуров // Полис. – 2011. – № 4. – С. 8–19.
11. Борчашвили, И. Ш. Коррупционные преступления: закон, теория и практика : монография / И. Ш. Борчашвили. – Алматы, 2009. – 488 с.
12. Борчашвили, И. Ш. Проблемы противодействия коррупции по уголовному законодательству Республики Казахстан : монография / И. Ш. Борчашвили, С. М. Рахметов. – Алматы, 2012. – 389 с.
13. Василевич, Г. А. Второй евразийский антикоррупционный форум «Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения» / Г. А. Василевич // Проблемы управления. – 2013. – № 3 (48). – С. 154–157.
14. Васильева, В. М. Коррупционные рынки / В. М. Васильева, А. Н. Воробьев // Полис. – 2015. – № 2. – С. 78–96.
15. Горшенков, Г. Н. Антикоррупционная политика и деятельность / Г. Н. Горшенков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 10–17.
16. Жетписбаева, Б. А. Стратегия борьбы с коррупцией / Б. А. Жетписбаева. – Алматы, 2009. – 292 с.
17. Индекс восприятия коррупции 2016: Казахстан. TransparencyKazakhstan. 25 января 2017 г. – URL: <http://tikazakhstan.org/cpi16-k/>.
18. Институт Законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. Пятый Евразийский антикоррупционный форум «Правопорядок и коррупция: современные вызовы». – URL: <http://www.izak.ru/pyatyj-evrazijskij-antikorrupcionnyj-forum-1110>.
19. Центр гуманитарных технологий: Информационно-аналитический портал (официальный сайт). – URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/27/7287>.

20. InformБЮРО. 12 декабря 2015 г. – URL: <http://informburo.kz/stati/hronika-dela-serika-ahmetova-ot-sledstviya-do-prigovora.html>.
21. InformБЮРО. 10 июня 2016 г. – URL: <http://informburo.kz/stati/prigovor-eks-predsedatelyu-pravleniya-astana-ekspo-2017-talgatu-ermegiyaevu-kak-eto-bylo.html>.
22. Лазарев, Е. А. Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива / Е. А. Лазарев // *Полития*. – 2011. – № 1 (60). – С. 50–68.
23. Лазарев, Е. А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций / Е. А. Лазарев // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 106–121.
24. Номад. Кочевник. Предложения НЭПК «Атамекен». 21 июля 2011 г. – URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201107210025>.
25. Плотникова, А. А. Причины возникновения коррупционных преступлений среди сотрудников правоохранительных органов Казахстана: основные недостатки и способы их устранения / А. А. Плотникова // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 12. – С. 190–195.
26. Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30–31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. М. Цирин. – М., 2012. – 656 с.
27. Раисов, У. Е. Коррупция и ее социальные последствия : автореф. дис.... д-ра социол. наук / У. Е. Раисов. – Алматы, 2010. – 45 с.
28. Рахметов, Т. Х. Проблемы предупреждения коррупционной преступности в органах внутренних дел Республики Казахстан : автореф. дис.... канд. юрид. наук / Т. Х. Рахметов. – Алматы, 2010. – 27 с.
29. Смирнова, Л. Н. Принцип прозрачности и борьба с коррупцией в КНР: мировой опыт и «особая китайская модель» / Л. Н. Смирнова // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – М., 2013. – Вып. XVIII. – С. 349–358.
30. Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель» : дис.... канд. полит. наук / Л. Н. Смирнова. – М., 2014. – 206 с.
31. Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в Китае: конвенция ООН против коррупции и «особая китайская модель» / Л. Н. Смирнова // *Вестн. Моск. ун-та*. – 2015. – № 2. – Сер. 12. Политические науки. – С. 71–90.
32. Совершенствование законодательства в свете концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. Материалы международной научно-практической конференции 19 ноября 2010 г. – Астана, 2010. – 456 с.
33. Тулинова, О. А. Обзор работы Третьего Евразийского антикоррупционного форума «Современные стандарты и технологии противодействия коррупции»: (Москва 24–25 апреля 2014 г.) / О. А. Тулинова, А. М. Цирин, Е. В. Черепанова // *Журнал зарубеж. законодательства и сравн. правоведения*. – 2014. – № 3 (46). – С. 442–462.
34. Турецкий, Н. Н. Антикоррупционная политика Казахстана на современном этапе / Н. Н. Турецкий // *Актуал. проблемы экономики и права*. – 2012. – № 4. – С. 100–103.
35. Четвертый евразийский антикоррупционный форум «Предупреждение коррупции: новые подходы (международная научно-практическая конференция)». 23–24 апреля 2015 г. Москва. Программа форума. – URL: <http://audit.gov.ru/pdf>.
36. Aratuly, K. Combating corruption in the light of the Adoption of a new anti-Corruption program for 2015–2025 of the republic of Kazakhstan / R. E. Jansarayeva, K. Aratuly, K. Surayeva // *On the way to a stable world: security and sustainable development*. – Sandiego, 2015. – Pp. 130–133.
37. Handelman, C. Stealing the Dream: “Bandit Capitalism” in Post-Communist States / C. Handelman // *Nations in Transit*. – N.Y., 1999. – Pp. 21–29.
38. Satpaev, D. Corruption in Kazakhstan and the Quality of Governance / D. Satpaev // *IDE discussion paper*. – 2014. – № 475. – Pp. 1–29.
39. Schneider, F. The size and development of the shadow economies of Ukraine and six other eastern countries over the period of 1999–2015 / F. Schneider // *Economics of Development*. – 2016. – № 2 (78). – С. 12–20.

Сведения об авторе

Татубаев Талгат Маратович – соискатель кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
kafedrapolit@mail.ru

Magistra Vitae.

2017. No 1. P. 163–175.

ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AT THE PRESENT STAGE: INTERIM RESULTS AND PROSPECTS OF THE STUDY

T. M. Tatubaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kafedrapolit@mail.ru

The article clarifies the concepts of «corruption» and «anti-corruption policy», examines scientific publications on various aspects of bribery and embezzlement. The author pays particular attention to the reports submitted to the Eurasian anti-corruption forums. The study points out the key issues in the development of which social scientists have achievements, as well as issues requiring further study and practical solution.

Keywords: *institutionalization of corruption, anticorruption policy study, modern level of scientific knowledge, impact analysis and the need for improved measures against corruption.*

References

1. Abdrashev R.M. *Teorija i praktika rassledovanija korrupcionnyh prestuplenij v sisteme pravohranitel'nyh organov* [Theory and practice of investigating corruption offences in law enforcement]. Almaty, 2010. (In Russ.).
2. Abezgl'din R.R. *Institalizacija korrupciiv Rossii, ee setevoj harakter: politiko-pravovoj analiz* [The institutionalization of corruption in Russia, its network character: political and legal analysis]. *Mir politiki I sociologii* [The world of politics and sociology], 2015, no. 12, pp. 118–139. (In Russ.).
3. Andrianov V.D. *Korrupcija kak global'naja problema* [Corruption as a global problem]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.).
4. *Antikorrupcionnaja politika Respubliki Kazahstan na sovremennom jetape: zakonodatel'stvo i praktika ego primenenija* [Anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan at the present stage: legislation and practice of its application]. *Materialy mezhdunarodno-prakticheskoy konferencii 20 aprelja 2012 g.* [Materials International Conference April 20, 2012]. Astana, 2012. 438 p. (In Russ.).
5. Alauhanov E.O. *Antikorrupcionnaja pravovaja politika* [Anti-corruption legal policy]. Almaty, 2009. 256 p. (In Russ.).
6. Alauhanov E.O. *Bor'ba s korrupciej v gosudarstvennyh organah* [The fight against corruption in Government]. Almaty, 2008. 288 p. (In Russ.).
7. Alauhanov E.O., Tursynbaev D.E. *Bor'ba s korrupciej* [The fight against corruption]. Almaty, 2008. 288 p. (In Russ.).
8. Alauhanov E.O. *Tendencii korrupcionnoj prestupnosti v Respublike Kazahstan* [Trends of corrupt crime in the Republic of Kazakhstan]. *Ugolovnoe pravo: strategija razvitija v XXI v. Materialy 6-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 29–30 janvarja 2009 g.* [Criminal law: strategy of development in the 21st century: materials 6-th international scientific-practical Conference. January 29–30, 2009]. Moscow, 2009. Pp. 508–511. (In Russ.).
9. Barsukova S., Ledeneva A. *Ot global'noj korrupcionnoj paradigmy k izucheniju neformal'nyh praktik: razlichie v podhodah autsajderov i insajderov* [From the global paradigm to study informal corrupt practices: the difference in the approaches of outsiders and insiders]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2014, no. 2, pp. 118–132. (In Russ.).
10. Bogaturov A.D. *Ponjatie jekonomicheskoy politologii i osobennosti ee problemnogo polja v Rossii* [The concept of economic politics and particularly its problematic field in Russia]. *Polis* [Polis], 2011, no. 4, pp. 8–19. (In Russ.).

11. Borchashvili Sh. *Korrupcionnye prestuplenija: zakon, teorija i praktika* [Corruption offences: law, theory and practice]. Almaty, 2009. 488 p. (In Russ.).
12. Borchashvili I.Sh., Rahmetov S.M. *Problemy protivodejstvija korrupcii po ugovnomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazahstan* [The problem of combating corruption under the criminal law of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2012. 389 p. (In Russ.).
13. Vasilevich G.A. Vtoroj evrazijskij antikorrupcionnyj forum «Finansovye mehanizmy protiv korrupcii: mezhdunarodnye standarty i nacional'nye reshenija» [The second Eurasian anti-corruption forum “financial mechanisms against corruption: international standards and national decisions”]. *Problemy upravlenija* [Problems of management], 2013, no. 3 (48), pp. 154–157. (In Russ.).
14. Vasil'eva V.M., Vorob'ev A.N. Korrupcionnye rynki [Corrupt markets]. *Polis* [Polis], 2015, no. 2, pp. 78–96. (In Russ.).
15. Gorshenkov G.N. Antikorrupcionnaja politika i dejatel'nost' [Anticorruption policies and activities]. *Aktual'nye problem jekonomiki i prava* [Actual problems of Economics and law], 2014, no. 1, pp. 10–17. (In Russ.).
16. Zhetpisbaeva B.A. *Strategija bor'by s korrupciej* [Anti-corruption strategy]. Almaty, 2009. 292 p. (In Russ.).
17. *Indeks vosprijatija korrupcii 2016: Kazahstan. Transparency Kazakhstan* [Corruption perceptions index 2016: Kazakhstan. Transparency Kazakhstan]. Available at: <http://tikazakhstan.org/cpi16-k/>. (In Russ.).
18. Institut Zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri pravitel'stve Rossijskoj Federacii. *Pjatyj Evrazijskij antikorrupcionnyj forum «Pravoporjadok i korrupcija: sovremennye vyzovy»* [Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. The fifth Eurasian anti-corruption forum “the rule of law and corruption: modern challenges”]. Available at: <http://www.izak.ru/pyatyj-evrazijskij-antikorrupcionnyj-forum-1110>. (In Russ.).
19. *Informacionno-analiticheskij portal (oficial'nyj sajt) Centra gumanitarnyh tehnologij* [Information-analytical portal (official site) the center of humanitarian technologies]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/27/7287>. (In Russ.).
20. *Inform BJuRO* [Inform The Bureau], 2015, December 12. Available at: <http://informburo.kz/stati/hronika-dela-serika-ahmetova-ot-sledstviya-do-prigovora.html>. (In Russ.).
21. *Inform BJuRO* [Inform The Bureau], 2016, June 10. Available at: <http://informburo.kz/stati/prigovor-eks-predsedatelyu-pravleniya-astana-ekspo-2017-talgatu-ermegiyaevu-kak-eto-bylo.html>. (In Russ.).
22. Lazarev E.A. Korrupcija i politicheskaja stabil'nost': institucional'naja perspektiva [Corruption and political stability: institutional perspective]. *Politija* [Politiya], 2011, no. 1 (60), pp. 50–68. (In Russ.).
23. Lazarev E.A. Politicheskaja korrupcija: ob'jasnjaja prirodu postsovetskih transformacij [Political corruption: explaining the nature of the post-Soviet transformation]. *Polis* [Polis], 2012, no. 2, pp. 106–121. (In Russ.).
24. *Nomad. Kochevnik. Predlozhenija NJePK «Atameken»* [Nomad. Offers National Chamber “Atameken”]. Available at: <http://www.nomad.su/?a=3-201107210025>. (In Russ.).
25. Plotnikova A.A. Prichin yvoznikovenija korrupcionnyh prestuplenij sredi sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov Kazahstana: osnovnye nedostatki i sposoby ih ustraneniya [Causes of corruption among law enforcement officers of Kazakhstan: basic flaws and ways to resolve them]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'* [Juridical science: history and modernity], 2013, no. 12, pp. 190–195. (In Russ.).
26. Andrichenko L.V., Cirin A.M. *Pravovye innovacii v sfere protivodejstvija korrupcii: materialy Pervogo Evrazijskogo antikorrupcionnogo foruma i VII Mezhdunarodnoj shkoly-praktikuma molodyh uchenyh-juristov (Moskva, 30–31 maja 2012 g.)* [Legal innovations in the sphere of counteraction to corruption: the materials of the first Eurasian Forum of anti-corruption and VII international school-workshop of young scientists-Jurists]. Moscow, 2012. 656 p. (In Russ.).
27. Raisov U.E. *Korrupcija i ee social'nye posledstvija* [Corruption and its social consequences]. Almaty, 2010. (In Russ.).
28. Rahmetov T.H. *Problemy preduprezhdenija korrupcionnoj prestupnosti v organah vnutrennih del Respubliki Kazahstan* [The problems of preventing corruption crime in the organs of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2010. (In Russ.).
29. Smirnova L.N. Princip prozrachnosti i bor'ba s korrupciej v KNR: mirovoj opyt i «osobaja kitajskaja model» [The principle of transparency and combating corruption in CHINA: world experience and “special

Chinese model”]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in the world and regional policies. History and modernity], iss. XVIII. Moscow, 2013. Pp. 349–358. (In Russ.).

30. Smirnova L.N. *Bor'ba s korrupciej v KNR: mezhdunarodnyj opyt i «osobajakitajskaja model»* [Combating corruption in CHINA: international experience and “special Chinese model”]. Moscow, 2014. 206 p. (In Russ.).

31. Smirnova L.N. *Bor'ba s korrupciej v Kitae: konvencija OON protiv korrupcii «osobaja kitajskaja model»* [Combating corruption in China: the UN Convention against corruption and “special Chinese model”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2015, ser. 12, no. 2, pp. 71–90. (In Russ.).

32. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v svete koncepcii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan na period s 2010 do 2020 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 19 nojabrja 2010 g.* [The improvement of legislation in the light of the concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 years: the materials of the international scientifically-practical Conference, November 19, 2010]. Astana, 2010. 456 p. (In Russ.).

33. Tulinova E.V., Cirin A.M., Cherepanova O.A. *Obzor raboty Tret'ego Evrazijskogo antikorrupcionnogo foruma «Sovremennye standarty i tehnologii protivodejstvija korrupcii»: (Moskva 24–25 aprelja 2014 g.)* [Review of the work of the third Eurasian anti-corruption forum “the modern standards and technologies for combating corruption (Moscow 24–25 April, 2014)]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija* [Journal of foreign law and comparative law], 2014, no. 3 (46), pp. 442–462. (In Russ.).

34. Tureckij N.N. *Antikorrupcionnaja politika Kazahstana na sovremennom jetape* [Anti-corruption policy of Kazakhstan at the present stage]. *Aktual'nye problem jekonomiki i prava* [Actual problems of Economics and law], 2012, no. 4, pp. 100–103. (In Russ.).

35. *Chetvertyj evrazijskij antikorrupcionnyj forum «Preduprezhdenie korrupcii: novye podhody (mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija)».* 23–24 aprelja 2015 g. Moskva. *Programma foruma* [The fourth Eurasian anti-corruption forum, entitled “Prevention of corrupt practices: new approaches (international scientific-practical Conference)”. 23–24 April 2015 Moscow. The programme of the Forum]. Available at: <http://audit.gov.ru/pdf>.

36. Aratuly K., Jansarayeva R.E., Surayeva K. *Combating corruption in the light of the Adoption of a new anti-Corruption program for 2015–2025 of the republic of Kazakhstan. On the way to a stable world: security and sustainable development.* Sandiego, 2015. Pp. 130–133.

37. Handelman C. *Stealing the Dream: “Bandit Capitalism” in Post-Communist States.* *Nations in Transit.* N.Y., 1999. Pp. 21–29.

38. Satpaev, D. *Corruption in Kazakhstan and the Quality of Governance.* *IDE discussion paper*, 2014, no. 475, pp. 1–29.

39. Schneider F. *The size and development of the shadow economies of Ukraine and six other eastern countries over the period of 1999–2015.* *Economics of Development*, 2016, no. 2 (78), pp. 12–20.